

Научная статья
УДК 82.091+82-343:292.11

Ахиллесова пята vs Achilles' heel (сравнительный историко-лингвистический и литературный анализ фразеологизма)

Л. В. Гришина

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
lgrishina@inbox.ru

Аннотация. В статье проводится исторический и литературный анализ происхождения ономастических фразеологизмов *ахиллесова пята* в русском языке и *Achilles' heel* в английском. Цель исследования – установить причины этимологической разницы в словах, употребляемых в двух языках в выражениях, имеющих отношение к одному и тому же мифу.

Ключевые слова: фразеологизм, римская и древнегреческая мифология, этимология, перевод

Для цитирования: Гришина Л. В. Ахиллесова пята vs Achilles' heel (сравнительный историко-лингвистический и литературный анализ фразеологизма) // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 8 (889). С. 144–150.

Original article

Achilles' Heel vs Ахиллесова Пята (comparative historical, linguistic and literary analysis of the phraseological unit)

Lyubov V. Grishina

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
lgrishina@inbox.ru

Abstract. The article analyses the origin of the expressions *Achilles' heel* in the English language and the corresponding Russian phrase *ахиллесова пята* in an attempt to find the reasons which led to the current etymological difference in the words of the onomastic idiom born from the same myth.

Keywords: set phrase, Roman and Ancient Greek mythology, etymology, translation

For citation: Grishina, L. V. (2023). Achilles' hell vs Ахиллесова пята (comparative historical, linguistic and literary analysis of the phraseological unit). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(889), 144–150. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современном русском языке ономастический фразеологизм *Ахиллесова пята* употребляется для обозначения наиболее уязвимого места кого-либо или чего-либо. Согласно древнегреческому мифу, благодаря стараниям матери тело Ахилла стало неуязвимо для ран, и лишь пятка героя Троянской войны была его незащищенным местом. Многие, кто читал «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима», помнят, что богиня Фетида решила сделать своего сына бессмертным, так как знала, что тому суждено было погибнуть в расцвете сил от стрелы. Для этого, как написано в главе «Легенд», посвященной смерти героя, она младенцем окунала сына в воды подземной реки Стикс, держа его за пятку. Воды реки не коснулись пятки, и стрела Париса, направленная Аполлоном, поразила Ахилла в его единственное незащищенное место [Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима, 1987].

Уже на этих строках напрашивается вопрос, как можно держать или удерживать ребенка за пятку. Даже на картине французского художника-иллюстратора Антуана Бореля (1743–1810) мать держит над рекой маленького Ахилла, ухватив его за щиколотку. Но речь идет о мифе, где всё возможно и по силам богам и героям.

Интересно, что в тех же «Легендах», в главах, повествующих о рождении Ахилла, излагается иная версия событий. Фетида, оказываясь, натирала ребенка амброзией и держала его в огне, чтобы тот стал равным богам. Однажды ночью она положила его в огонь, и эту пугающую картину застал проснувшийся отец Ахилла царь Пелей, который, увидев сына в огне, ужаснулся и бросился с мечом на Фетиду. Та в страхе убежала, а Ахилла отдали на воспитание другу Пелея кентавру Херону [Легенды и сказания Древней Греции ... 1987].

Эта версия мифа относится примерно к III веку до н. э. В ней также упоминается, что одна из лодыжек Ахилла осталась ненатертой. Именно она и стала уязвимым местом героя. Как видим, разные версии мифа указывают на разные части тела, которые остались уязвимыми для стрелы врага.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Предположим, что определенную ясность в ситуацию поможет внести анализ происхождения выражения. Метод исторического анализа позволяет установить, что русское слово *пята* восходит к древнему корню *pōd-*, который является довольно распространенным в индоевропейских языках: в лит. *pėdà*, греч. *pod-*, нем. *pous*, лат. *ped-* (нем.

pēs-) (отсюда в русском слово *педаль*). Русские слова *пятка*, *пядь* являются родственными и своим происхождением обязаны одному и тому же индоевропейскому корню. Важно отметить, что слово *пята* в русском означает не только саму пятку, но и ступню¹. Это прекрасно укладывается в этимологию слова, а также объясняет и процесс омовения маленького Ахилла в водах реки Стикс. Становится понятным, что Фетида не могла бы удержать его за пятку, но вполне справилась бы с задачей, если ухватила бы его за ступню или ногу.

Общеизвестно, что римская мифология оказала огромное влияние на культуру стран Европы, и многие популярные сегодня фразеологизмы родом из рассказов об античных богах и героях. Тексты мифов и эпосов стали наиболее распространенным источником фразеологизмов-калек с прецедентным именем. Неудивительно, что выражение *ахиллесова пята* имеет свои эквиваленты и в других языках, например в английском. В этом смысле его можно назвать фразеологическим интернационализмом. Удивительно как раз то, что вместо, учитывая вышесказанное, вполне ожидаемого слова *foot*, которое развилось из того же древнего корня *pōd-* (др.-англ. *fōt*, *pl. fēt*, др.-фриз. *fōt*, др.-сканд. *fōt*, готск. *fōtus*) в английском фразеологизме употребляется *heel* – слово германского происхождения (др.-англ. *hēla*, *hæla*, др.-фриз. *hēla*, др.-норв. *hæll*). В древнеанглийском оно обозначало пятку, а также коленное сухожилие, что в современном английском нашло развитие в слове *hough* (в литовском слово *kinka* имеет то же значение). Примечательно, что древнескандинавское *ha|mot* означало «сгиб ноги», «голеностопный сустав»².

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Как оказалось, этимологический анализ выражений не вносит особой ясности в понимание того, что считать тем самым уязвимым местом Ахилла. В этом случае будет правильным применить метод анализа оригинальной литературы и обратиться к первоисточникам, в которых бы было точное указание на незащищенное место античного героя, и которые дали рождение современному фразеологизму. Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о событиях Троянской войны, это великая «Илиада» Гомера. Ахилл – один из главных героев поэмы, которая описывает его подвиги:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына.

(Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича)

¹Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990.

²The Oxford Dictionary of English Etymology. OUP, 1996.

Но в поэме ничего не говорится ни о ранении героя в его единственное уязвимое место, ни о его неуязвимости вообще. Более того, у Гомера Ахилл – это герой и смелый воин, который так же смертен, как и все остальные на поле боя. В Песне двадцать первой, повествующей о битве у реки, например, говорится:

Копьем же вторым Ахиллу он одесную поцарапал
Локоть, и брызнула черная кровь.
(Гомер. *Илиада*. Пер. Бориса Тена)

В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
Дрот медножальный, удержанный золотом, божественным даром.
Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссадил десную:
Черная кровь заструилась...
(Гомер. *Илиада*. Пер. Н. И. Гнедича)

Пикой одной ахиллесов он щит поразил, но не пробил:
Золотом, даром бессмертных, была остановлена пика.
Пикой другой он Пелиду на правой руке оцарапал
Локоть, и черная кровь заструилась.
(Гомер. *Илиада*. Пер. В. В. Вересаева)

Его могут ранить, и его рана может кровоточить. Его исключительность не объясняется каким-то даром от рождения, а только как результат его смелости и бесстрашия.

Вопреки устоявшемуся мнению, в «Илиаде» события Троянской войны не описываются, что называется, *от и до*. В конце поэмы, где рассказывается о смерти Гектора, Ахилл еще жив, и нет ни слова о «тroyанском коне». В Двадцать второй песне, умирая, Гектор предсказывает, что Ахилл погибнет от руки Париса, которому поможет Аполлон:

Знал я тебя: предчувствовал я, что моим ты молением
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!
(Гомер. *Илиада*. Пер. Н. И. Гнедича)

Видя в лицо, хорошо я тебя познаю, и напрасно
Думал тебя убедить, ибо дух в твоём сердце железный!
Но берегись, чтобы гнева богов на тебя не навлек я
В день тот, в который Парис и Феб-Аполлон дальнострельный,
Как бы ты доблестен ни был, убьют тебя в Скейских воротах!
(Гомер. *Илиада*. Пер. В. В. Вересаева)

Никаких подробностей смерти Ахилла, а именно: чем он будет умерщвлен и в какое место поражен, в этом предсказании нет. Можно лишь предположить, что Парис убьет Ахилла стрелой, так как на

протяжении всей поэмы главное оружие войны Париса – это лук. В пользу этой догадки говорит и тот факт, что сам Аполлон был покровителем искусства стрельбы из лука. Но никаких указаний на то, что Ахилл будет поражен в пятку или еще куда-либо, нет.

Предположим, что объяснение, почему у Ахилла всё-таки появилось уязвимое место, необходимо искать в тех произведениях, где рассказывается о его младенчестве и действиях его матери, так как именно этим и принято объяснять незащищенность пяты героя. Одна из версий событий была изложена в древнегреческой поэме «Эгимеус», дошедшей до наших дней в виде отдельных фрагментов и авторство которой приписывают Гесиоду или Керкопсу Милетскому (конец VIII – начало VII веков до н. э.). В одном из фрагментов книги рассказывается ужасающая история о том, что Фетида своих многочисленных детей от Пелея бросала в котел с кипящей водой, чтобы проверить, смертны ли они, прежде чем вмешался ее муж и прекратил это. Тем самым он спас Ахилла, так как все дети в кипящей воде погибали. Эта легенда самая ранняя из существующих на настоящий момент, и именно она легла в основу множества других сказаний об Ахилле, авторы которых добавляли свои подробности.

Так, иную историю можно найти у древнегреческого автора Аполлония Родосского в поэме «Агронавтика» (III век до н. э.), в котором описываются в том числе путешествия аргонатов за золотым руном. Согласно его версии, Фетида по ночам клала своего младенца в огонь, чтобы сжечь его смертную плоть, а днем намазывала его травяным благовонием:

Скорбь охватила его ужасная, ибо не видел
Он Фетиды с тех пор, как покинула терем и ложе,
В гневе за славного сына, в ту пору младенца, Ахилла,
Ибо она среди ночи всегда его смертное тело
Пламенем жгла, но зато натирала каждое утро
Тело амбросией, чтобы соделать сына бессмертным.
И от него навек отогнать ненавистную старость.
Сложив однажды вскочив, Пелей увидал, как младенец
Корчился в пламени; это узрев, отец неразумный
Громко вскричал; а она, тот крик услышав, схватила
Сына, что плачем зашелся, его швырнула на землю,
И, словно тело ее обратилось в призрак или ветер,
Вынеслась прочь из чертога, и в глубь погрузилась морскую,
Гнева полна, и обратно уже затем не вернулась...
(Аполлоний Родосский. *Агронавтика*.
Пер. Г. Ф. Церетели)

Эта история уже больше похожа на ту, которая хорошо известна сегодня. Она объясняет мотивы поступка матери Ахилла желанием сохранить ему жизнь, но ее планам не удалось реализоваться из-за непонимания мужа.

А вот версию мифа, согласно которой Фетида опускала ребенка в воды реки Стикс, впервые изложил уже на латыни, что немаловажно, древнеримский поэт Публий Папиний Стаций (45–96 год н. э.) в своей неоконченной поэме «Ахиллеида», на создание которой его вдохновила «Илиада» Гомера.

...и часто я мыслю – о ужас! – в Тартара
Бездну дитя отнести, вновь омыть в источниках Стикса...
...если сына суровою влагою Стикса
Я защитила – жаль, не всего!

(Стаций. *Ахиллеида*)¹

Как видно из последней строки, Фетида сокрушается, что не смогла полностью защитить сына. Но автор не дает прямых указаний на то, почему ей этого не удалось сделать или какая часть тела Ахилла осталась в результате незащитной. Также в поэме не говорится о том, что Парис пустил стрелу именно в пятку Ахилла, так как Стаций не закончил поэму, а повествование обрывается на том моменте, когда Ахилл присоединяется к походу греков.

Долгое время версия событий, изложенная Стацием, уступала по популярности той, которую предложил Аполлоний Родосский. Так, например, в трех книгах датированного I или II веком н. э. сборника древнегреческих мифов и героических легенд «Мифологической библиотеке Псевдо-Аполлодора» рассказана та же история о Фетиде, которая клала Ахилла в огонь и натирала амброзией.

Когда Фетида родила дитя от Пелея, она, желая сделать его бессмертным, тайно от Пелея укладывала его ночью на огонь, чтобы выжечь в нем все смертное, которое было в нем от отца, днем же обтирала его амвросией. Пелей подстерег ее за этим занятием и, увидев, как его сын корчится на огне, громко закричал. Тогда Фетида, не имея возможности довести начатое до конца, покинула своего младенца и вернулась к nereидам. Пелей же принес сына к кентавру Хирону, и тот взял младенца на воспитание.

(Аполлодор. *Мифологическая библиотека*.
Книга 3. Пер. В. Г. Боруховича)

Когда со временем, после распада Римской империи, греческий язык утратил свою популярность и широту использования, многие греческие тексты, получившие признание в Древнем Риме, были переведены на латынь. В результате образованные жители Западной Европы стали знакомиться с мифами по латинским авторам или переводам. Таким образом, версия Стация стала основной и наиболее известной.

Трудно сказать, когда именно возникла легенда о уязвимости пятки Ахилла. Как оказалось, ни в одном из источников не говорится точно, в какое место Парис поразил Ахилла стрелой. Иногда для доказательства верности этой версии событий ссылаются на известные памятники древнегреческого искусства. Например, на уже утраченной халкидской амфоре середины VI века до н. э. был изображен поверженный Ахилл, лежащий на земле с пронзенной стелой щиколоткой. На амфоре имя героя было прямо указано, поэтому сомнений в том, что это он, быть не может. В то же время на изображении нельзя было не заметить, что еще одна стрела попала Ахиллу в бок. Следовательно, та стрела, что поразила его в щиколотку, очевидно, была пущена первой, чтобы лишить его возможности убежать, а уже вторая рана стала смертельной.

На другой, этрусской, амфоре конца VI века до н. э. изображен Парис, направивший стрелу лука в какого-то воина, предположительно, Ахилла, который в этот момент сражается с врагом и повернут к Парису спиной. Стрела направлена куда-то вниз, скорее всего в ногу Ахилла, но явно выше щиколотки. Предположим, что это первая стрела и что за ней последует вторая, пущенная в тело героя.

Похожий сюжет можно увидеть и на античной вазе V века до н. э. На ней нет имен, чтобы можно было с уверенностью сказать, кто изображен. Лучник пустил стрелу, направленную Аполлоном, в нижнюю часть ноги стоящего от него справа воина. Также видно, что он готов уже пустить и вторую стрелу. Есть и другие подобные изображения сражений, где воин ранен стрелой в ногу, но никаких сопроводительных надписей, указывающих на то, что этот воин – Ахилл, и что он умер или умирает от этого ранения, нет. Возможно, этот прием ведения боя лучником был распространен в то время, и поэтому такие батальные сцены часто изображались на предметах античной керамики.

Самым ранним описанием Ахилла, пораженного стрелой Париса в определенное место, считаются строки из «Библиотеки Псевдо-Аполлодора»:

Преследуя троянцев, Ахиллес был поражен в лодыжку стрелой Александра и Аполлона у Скейских ворот».

(Аполлодор. *Мифологическая библиотека*.
Эпитома. V(3). Пер. В. Г. Боруховича)

Ни о каком другом ранении в книге не упоминается. Следовательно, именно стрела, поразившая лодыжку, и убила Ахилла.

Также в лодыжку смертельно ранен Ахилл и в поэме древнегреческого поэта позднейшей эпохи Квинта Смирнского, известного прежде

¹Материал взят с сайта <https://ancient-mythology.ru/publij-papinij-staczij-ahilleida/?ysclid=lkasrnx3fr243312193>

всего своим эпосом «После Гомера» – продолжения «Илиады» «Posthomerica», вероятно относящегося к IV веку н. э. В книге Третьей, посвященной смерти героя, читаем:

Кто в меня только что скрытно направил стрелу роковую?
Пусть пред лицо мое ныне решится, не прячься, он выйти!
Чтобы всю чёрную кровь из нутра его выпустил тут же
крепким своим я копьем и в Аид бы послал его тёмный.
Ибо уверен, никто не сумеет, приблизившись быстро,
рану копьем нанести мне из ныне живущих героев,
даже имея он в груди совершенно бесстрашное сердце
и с головы до подошвы укрытые бронзой члены.
Тайно же трусы одни расставляют на лучших ловушку.
Пусть мне противником станет сам бог, коль желает того он,
злойбой к данайцам пылая. Ведь сердце упорно твердит мне:
то был укрытый в зловещую мглу Аполлон-стреловержец.
Прежде ещё много раз говорила мне милая мать,
что от его я с позором погибну стрелы злополучной
около Скейских ворот: не пусты, видать, были те речи.

(Квинт Смирнский. *После Гомера*.

Пер. А. П. Большакова)

Приходится признать, что все эти описания смерти Ахилла разными авторами не добавляют ясности в происхождение сегодняшнего фразеологизма. Как ни странно, но скорее всего, версия о том, что уязвимым местом героя была пята, или ступня, связана именно с «Илиадой» Гомера – самым известным из всех упомянутых произведений. Несмотря на то, что в поэме, как было указано, ничего не говорится о смерти Ахилла, сам автор, описывая его, часто называет его «быстроногим». Эпитет *ποδόκις* (*podókiēs*) (ср.: *англ.* swift-footed) – один из главных у Гомера для Ахилла.

Более того, в поэме также описывается смерть другого персонажа Диомеда. Дело в том, что между двумя героями мифов о Троянской войне: Ахиллом и Диомедом – прослеживается явная параллель. Из всех греков они самые сильные и храбрые и внушают невероятный ужас троянцам. Они единственные герои, кого защищает Афина и зажигает вокруг их голов пламя. У обоих доспехи, изготовленные Гефестом. Каждый безуспешно трижды пытается сразиться с Аполлоном. На них незаслуженно разгневан Агамемнон, и оба унижают его перед воинами. Каждый убежден, что мог бы победить Троию всего лишь с одним другом. И тот, и другой ранит в бою Энея. Для каждого из них Гектор – главный враг, с которым они сражаются [Клейн, 1998].

Такое сходство между героями Троянской войны, возможно, объясняется историей появления поэмы Гомера в том виде, в котором она сейчас известна всем. Версий на этот счет так же

много, как и вариантов мифа о сыне Пелея. Согласно одной из них, Гомер описал мифическое противостояние греков и троянцев при участии богов в VIII веке до н. э., и это было устное творчество. Прежде чем два века спустя поэма была впервые полностью записана по распоряжению тирана Писистрата, ее распространяли по греческому миру певцы-декламаторы – аэды и рапсоды. Певцы, как правило, не повторяли песни слово в слово, а творили их, заполняя по-своему общий ход сюжета. Вполне понятно, что у поэмы появилось несколько редакций, в том числе, например, версия, созданная Аристотелем для обучения Александра. Состоящий из 24 песен текст «Илиады» был создан в эллинистические времена как результат сопоставления известных на тот момент версий.

Всё это породило множество дискуссий и по поводу авторства: была ли поэма создана одним автором, а все «нестыковки» вызваны появившимися уже позже несущественными сюжетными добавлениями и лингвистическими усовершенствованиями, или же книга, возможно, стала результатом соединения двух эпосов, двух «Илиад» – «Ахиллеиды» и «Диомедии». Вторая теория основана на особенности параллелизма между двумя античными героями Ахиллом и Диомедом, которые сюжетно абсолютно независимы друг от друга, их пути практически не пересекаются [Клейн, 1998]. Известная схожесть их судеб, возможно, привела к тому, что после объединения двух эпосов в одном тексте «Илиады» именно Ахилл стал ее главным персонажем, а Диомед отошел на второй план. Причиной этого мог стать тот факт, что смерть Ахилла от стрелы, поразившей его в его единственное уязвимое место, ведет к логическому завершению мифа, и, как справедливо указывает Л. С. Клейн, является «мотивированной» [там же].

В силу такого сходства ранение Диомеда стрелой Париса в ступню (пяту) в Песне одиннадцатой «Илиады» постепенно было «перенесено» читателями и на Ахилла, который, согласно другим авторам, также был ранен Парисом, но ранение оказалось уже смертельным. Возможно, еще до появления «Библиотеки», на основе античных изображений и рассказа Стация о Фетиде, омывающей своего младенца в реке Стикс, и сложилась та легенда, которую мы знаем сегодня, и которая дала рождение и самому фразеологизму.

И всё же физиологически то место, за которое Фетида могла держать ребенка, – это голеностопный сустав, щиколотка, или лодыжка, или просто ступня. Этимологически это имеет прямую связь с греческим словом *φτέρνα*. Русское слово *пята* в данном случае оказывается точнее, так как

позволяет «охватить» и пятку, и ступню в целом. Появление же слова *heel* в соответствующем английском выражении скорее всего объясняется тем, что в Европе, как уже говорилось, Гомера и других греческих авторов читали в латинском переводе. Первый из таких переводов, известных сегодня, за авторством Италика даже сохранял стихотворный размер оригинала. Затем просвещенных читателей больше заинтересовали позднеантичные сочинения о Троянской войне и «Энеида» Вергилия. К IV в. н. э. получают распространение переведенные на латинский язык «записки» мнимых участников Троянской войны – Диктиса и Дарета¹.

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Надо отметить, что интерес к поэмам Гомера, забытым в Средние века, вновь появился в Европе в эпоху Возрождения. В XVI веке «Илиада» начинает звучать на разных европейских языках. Интерес к античной поэме был настолько велик, что только на английском читателям был предложен не один десяток переводов, автором одного из которых, например, был Александр Поуп.

Самое раннее упоминание в английском языке фразы *Achilles' heel* относится к 1705 году в «Oxford English Dictionary», что дает право предположить, что сама фраза появилась раньше. Самая ранняя цитата, иллюстрирующая употребление идиомы, в словаре приводится из стихотворения англо-ирландского поэта Джона Денхэма (1614 или 1615–1669), который прежде всего запомнился своей поэмой «Холм Купера». В частности, его перу принадлежат следующие строки:

Leave then, said he, th' invulnerable Keel,
We'll find they're feeble, like Achilles heel.

Употребленная в качестве сравнения фраза в данном случае не является ссылкой на античного героя мифов о Троянской войне, что говорит о том, что уже тогда данная идиома была понятна читающей публике.

Как фразеологизм, обозначающий чье-либо слабое, уязвимое место, фраза прочно вошла в употребление в XIX веке. В 1810 году английский поэт-романтик Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) написал: «*Ireland, the vulnerable heel of the British Achilles*»

На русский же рассказы и поэмы об античных героях и богах переводили как с латинского, так и с греческого языков. Некоторые из переводов

сохранились в истории как курьез. Речь идет о первом неопубликованном, но сохраненном в рукописи стихотворном переводе «Илиады» на русский язык (1750), автор которого – Кириак Кондратович – не владел греческим и поэтому работал с латинскими текстами «Илиады» и «Одиссеи» XVI века. Сохраняя принятые в римской мифологии имена богов, он переименовывает патронимы на манер отчеств в русском языке. В его переводах античные герои носят русские полукафтаны и епанчи, а в бою применяют такие военные термины, как *фрунт* или *генералитет*, и кричат *Ура!*²

В 1776 году по заказу князя Григория Потёмкина вышел прозаический перевод «Илиады», но уже с греческого языка. Его автором стал новороссийский служащий Пётр Екимов. Интересно, что некоторые из его переводческих находок позаимствовал затем Николай Гнедич. Сам Гнедич опирался и на другие переводы Гомера на русский, немецкий и другие европейские языки. Он вдумчиво изучил древнегреческий текст, комментарии к этим переводам поэмы, труды по философии и языкознанию. Отметим, что труд Гнедича до сих пор считается классическим.

Упоминание же фразеологизма *ахиллесова пята* находим в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля, точнее, в его втором (1880) и третьем изданиях (1903–1909 годов под редакцией Бодуэна де Куртенэ, которое стало наиболее полным из всех его изданий). Интересно, что в первом издании словаря 1863 года («Толковый словарь живого великорусского языка») этого выражения нет, а есть только описание значения словосочетания *ахилова жила* (с одним *л*) – анатомического термина для обозначения сухожилия, связующего «пятовую кость с икровыми мышцами». На этом основании можно заключить, что русская идиома вошла в широкое употребление во второй половине XIX века.

В современном русском языке фраза *ахиллесова пята* входит в десятку самых частотных устойчивых выражений, обязанных своим происхождением текстам мифов и эпосов. Она уступает по этому показателю только фразеологизму *дамоклов меч*. Характерная сфера употребления выражения – газетные тексты (188 из 236 вхождений в Национальный корпус русского языка с 2000 по 2021 год). В подавляющем большинстве случаев употребление единицы соответствует узусному пониманию фразеологизма³.

¹URL: https://diletant.media/articles/45329062/?utm_source=zen&utm_medium=social&utm_content=article

²URL: https://diletant.media/articles/45329062/?utm_source=zen&utm_medium=social&utm_content=article

³Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru/search-paper.html

За тот же период времени английская фраза *Achilles' heel*, согласно Национальному корпусу британского варианта английского языка, была употреблена в публицистике всего 46 раз¹. Однако, по данным Архива Интернета (Internet Archive), в Глобальной сети с 2000 года отмечен 291 случай использования выражения, что лишь незначительно превышает соответствующий показатель для его русского эквивалента².

Следует отметить, что в современном английском и русском языках мифологизмы наиболее частотны в письменной речи. Так, количество

вхождений исследуемого выражения в устный корпус языков не превышает двух-трех.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сравнительный анализ появления идиомы в двух языках указывает, что употребление слов *пята* в русском и *heel* в английском для обозначения одного и того же уязвимого места мифического героя Ахилла объясняется тем фактом, что в английский язык это выражение скорее всего попало из текстов на латыни. Употребление слова *heel* в современном английском языке можно рассматривать как результат прямого перевода с латинского (*calcaneum*). В русском же языке слово *пята* оказывается более удачным в этимологическом и, скажем, физиологическом плане эквивалентом того, что подразумевается в оригинальных греческих текстах: *нога, ступня* или *щиколотка*.

¹British National Corpus (BNC) <https://www.english-corpora.org/bnc/> К сожалению, в Национальном корпусе американского варианта английского языка (<https://anc.org/data/anc-second-release/frequency-data/>) поиск по лемме не дает упоминания контекстов употребления отмеченных словоформ, что исключает возможность вычленения и подсчета употребления искомой фразы.

²URL: <https://archive.org/search?query=achilles+heel&and%5B%5D=lang%3A%22English%22&and%5B%5D=year%3A%5B2000+TO+2023%5D>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / сост. А. А. Нейхард. М.: Правда, 1987.
2. Клейн Л. С. Анатомия Илиады. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998.

REFERENCES

1. Legendy i skazania Drevney Gretsii i Drevnego Rima (1987) = Legends and Folk Tales of Ancient Greece and Rome. Compiled by A. A. Neihard. Moscow: Pravda. (In Russ.)
2. Klein, L. S. (1998). Anatomia Iliady = The Anatomy of the Iliad. St.Petersburg: St.Petersburg University Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Любовь Викторовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка

Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishina Lubov Viktorovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of the English Language

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.04.2024
29.04.2024
06.05.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication